

Он засмеялся

Первое, что меня поразило при встрече с Константином Зоркиным – это его мастерская. Попадая туда, ты словно проникаешь в сознание художника. Столь интимное и сакральное для мастера место приоткрывает занавес тайны, которая окутывает его образ. Я поймала себя на мысли: «как же это нелогично, что молодые искусствоведы так редко ходят по мастерским художников. Мы многое теряем». Константин Зоркин – выпускник Харьковской академии культуры, художник, работающий с перформансом, инсталляцией, графикой, преподаватель. Но в этот раз мы говорили только о перформансе.

Корр.: Как вы можете охарактеризовать перформанс?

Константин Зоркин: Лично для меня это магическое действие близкое к ритуалу, однозначно. Перформанс может быть в виде создания объектов, которые вызывают ощущение перформанса, или сами делают перформанс. Есть перформанс театральный, танцевальный и перформанс художника.

Корр.: А как же литературный перформанс?

К. З.: Ну, думаю, он может относиться к театральному или танцевальному. Не знаю, кто у нас таким занимается.

Корр.: Например, Юрий Андрухович, Сергей Жадан и Тарас Прохасько с 2000-х годов развивают литературный перформанс.

К. З.: Возможно. Я слышал такую формулировку, но мы же все друг от друга почему-то отстранены. Художники не знают, что делают поэты, а поэты не знают, что делают художники. Мы встречаемся и удивляемся «ух ты как у вас тут», хотя мы все творческая прослойка, но не целостная. Поэтому я делю так – по визуальному критерию.

Корр.: Почему в Украине не делают факультеты перформанса?

К. З.: Ну, мы пытались провести школу перформанса давно, еще с Штайдой (Юрий Штайда) и Сандро, который является единственным человеком в Украине, закончившим школу перформанса в Лондоне (прим.: Сандро Гарибашвили, на момент интервью переехал в США). Мы делали с ним (Сандро) именно художнические, а не театральные, или танцевальные перформансы.

Корр.: Часто можно увидеть в соцсетях приглашение на перформанс от молодых ребят. Как вы к такому относитесь?

К. З.: Настоящий перформанс – это не просто огонь крутить в HudpromLoft (прим.: выставочный простір у ХДАДМ). Настоящий перформанс – это работа художника, которая является частью его портфолио, частью его жизни. Бывают же и спонтанные перформансы, но они не считаются до конца законченными. Для законченной работы необходимо соблюсти все законы композиции, как и для любого другого произведения искусства.

Корр.: Каким образом Вы пришли к перформансу?

К. З.: Сложным. Через объекты, театр кукол... издавна. Тогда у меня начались вопросы к театру, потому что перформанс – это не театр.

Корр.: Как Вы разграничиваете перформанс и театр. В чем для Вас разница?

К.З.: Разница в том, что в театре есть момент игры роли. Во-первых, есть литературная основа, во-вторых, есть роль, которую играет актер. В перформансе нет актера, а стало быть, нет роли. Есть художник, который выполняет действие, а это действие является его продуктом. И, конечно, театр предполагает принятые условности: занавес, свет, режиссер. В перформансе есть момент внезапности для самого перформера. Перформанс – это состояние.

Корр.: Момент внезапности не превращает перформанс в хеппенинг?

К. З.: Не совсем. Я имею ввиду, что в самом процессе есть неожиданность. Потому что перформанс нельзя отрепетировать. Актер делает действие профессионально, он двигается профессионально, он делает то, чему его учили. Художника перформансу никто не может научить. Это действие, идущее изнутри, то есть ты один на один со своим искусством. Также как скульптура или картина – она самодостаточна, может не получиться, результат может быть неоднозначным. Так и здесь. В театре это все не возможно, потому что спектакль отрепетирован и мы знаем, каким он должен быть в итоге и когда на спектакле что-то идет не так. Это видят те, кто его делал. В перформансе такого быть не может, потому что непонятно какой будет результат в финале. Скорее создаются условия для начала действия. Действие начинается и оно может пойти куда-то в другую сторону, нужно доверять этому, значит так должно быть.

Корр.: Значит пространство, время – они играют роль?

К.З.: Конечно!

Корр.: А зрители? Они могут руководить перформансом в вашем случае?

К. З.: Конкретно в нашем случае – зрители обычно боятся (прим.: После этих слов Константин неожиданно и очень искренне засмеялся).

Корр.: Я видела Ваши перформансы, к сожалению, только в интернете, но я понимаю, о чем вы.

К. З.: В интернете не всё видно. Внешне это может выглядеть театрально, если брать старые перформансы, когда мы облачались в шкуры и что-то такое, вот. С тех пор многое изменилось, но мне нравился тот период. Много барахла накопилось, я делал множество объектов. Если говорить о том, что происходит в Харькове, то это самая невостребованная сфера. Если человек занимается перформансом, то это означает, что ему действительно необходимо это искусство.

Корр.: Вы упомянули, что пришли к перформансу через кукол.

К. З.: У меня всё началось с театра кукол, мы там ставили спектакль с моим другом и параллельно делали еще один маленький спектакль, который получился явно больше перформансом. Он был в двух вариантах: сначала были слова, мы пытались интерпретировать текст Гоголя. А потом стали репетировать вариант почти без текста. Это было в Киеве на Гоголь-Фесте. Мы показали перформанс один раз. Потом в харьковском Литературном музее. И больше не показывали. Тогда мы поняли, что он хоть и был отрепетирован, но поскольку мы его и режиссировали, и в нем играли, и я же

делал кукол – это было больше похоже на перформанс. На следующем этапе я подвис. Тогда Юля Голуб дала мне несколько хороших советов. Она посоветовала делать объекты.

Корр.: Расскажите о композиции своих перформансов. Как определить место зрителя?

К. З.: Это всегда очень интересный вопрос. Чаще всего, естественно происходит. Если учесть этому, то есть свои определенные закономерности, как привлечь внимание. Звук или действие. Ведь зрители становятся так, что они не знают, где им точно находиться, а ты совершаешь какое-то действие, например, проходишь круг и отталкиваешь зрителей за этот круг.

Корр.: Имеет ли значение время суток?

К.З.: Всегда сумерки. На улице в сумерках пространство сгущается. Днем очень тяжело. Вверх, в стороны слишком много места. Днем бессмысленно делать перформанс. Хорошо, когда есть земля под ногами. Трава, деревья... живое ощущение, что ты тут не один.

Корр.: Это для того, чтобы с ними взаимодействовать?

К.З.: Можно просто быть рядом. Это тоже вид взаимодействия.

Корр.: Какими атрибутами, материалами вы пользуетесь?

К. З.: Я люблю натуральное. Каждый материал должен получить пропуск в перформанс. Я не придерживаюсь определенной школы или техники, только то, что комфортно. Я люблю инструменты и люблю материалы. В перформансе без них не могу. Вот есть стамеска – это и инструмент и материал. Она же тоже из чего-то сделана (взял в руки и начал срезать с полена слой за слоем опилки). Она работает. Делаешь инструменты для непонятного действия, ненаправленного.

«Наши люди иногда смотрят на перформанс просто как на какую-то шалость, или на безумие. Они пытаются что-то примерять сообразно своему пониманию. То ли это уличная акция, то ли это театр какой-то. А когда они ничего не видят – начинают смотреть как есть или не смотреть вообще и уходят» – сказав это, Константин Зоркин засмеялся.